

А вы тоже были «гадким утёнком»? Гарри Бардин на встрече с липецкими зрителями

В Липецком государственном театре кукол 24 марта открылась Всероссийская неделя детской и юношеской книги встречей с режиссёром-аниматором Гарри Бардиным. Организатором встречи выступила Липецкая областная детская библиотека.

Гарри Бардин пришёл в мультипликацию поздно, обучаясь на своих собственных фильмах, которые создавались в совершенно разной технике. «Поэтому когда я говорю, что надо учиться, — я лукавлю», — смеётся Гарри. Создатель мультфильмов нашего детства «Летучий корабль», «Чуча», «Серый волк энд Красная шапочка» представил новую работу 2010 года — «Гадкий утёнок», которая создавалась шесть лет. Мультфильм побывал более чем на восьмидесяти международных фестивалях и взял множество Гран-при, переведён на французский язык и до сих пор идёт в кинотеатрах Франции. Работы человека, которого даже шестилетний внук одёргивает: «Ну что ты как маленький!» заставляют сопереживать героям: четыреста французских школьников на показе «Гадкого утёнка» даже «помогали» взлететь лебедю в конце фильма, дружно размахивая руками, как крыльями. Бардин не

делит зрителей на детей и взрослых: «Дети вырастают, а взрослые, наоборот, впадают в детство, и в какой-то момент мои зрители сближаются».

Директор детской областной библиотеки М. А. Буслаева, начальник Управления культуры Липецкой области Т. В. Горелова, режиссёр-аниматор Гарри Бардин на открытии

— Что для вас важно в создании мультфильма? Какой он должен быть?

— Я считаю, что после просмотра должно быть какое-то послевкусие. Если это только ради «ржачки», как сейчас говорят молодые, то не стоит тратить свои полтора или два года жизни для создания такого мультфильма. Раз у нас покадровая съёмка, мы должны делать такое, чтобы после этого оставалось нечто в памяти и душе. Так я подхожу к этому.

Я рад тому, что родители сейчас на прилавках ищут старые советские мультфильмы, и как бы окунают детей в мир своего детства, показывая им старую советскую коллекцию, которая была и нравственна, и моральна. Не зря наши мультфильмы покупал Ватикан. Некоторые говорят, что была идеология, но это неправда, особой идеологии в советской мультипликации не было, за небольшим исключением — может, несколько мультфильмов. В основном, это было о вечном: о доброте, любви, смерти.

Советская мультипликация получила гораздо больше призов на мировых фестивалях, чем игровое кино. Но искусство мультипликации определяется не вершинами, а средним уровнем.

Сейчас средний уровень российской мультипликации значительно ниже, чем было в советское время, и на это есть объективные причины: у нас не было смены поколений. Когда-то, в советские времена, были курсы советских мультипликаторов, где молодые набирались

опыта и выходили в свободный полёт. Когда работают рядом классики, то делать совсем плохо — невозможно. Каждый, если не дотянется до уровня Мастера, то хотя бы до своего предела! Это означает — делать мультфильм так, как будто в последний раз в своей жизни.

Сравнительно недавно случился разрыв. Эта преемственность в мультипликации не интересовала никого лет двадцать, и произошёл провал: молодые авторы стали учиться делать «на коленке», а основательную школу мы потеряли. От этого в мультфильмах порой многое происходит по подсказке продюсера — то, что потребляемо, что гарантирует финансовый успех. И режиссёр делает фильмы по американскому или японскому лекалу. Мы теряем своё лицо.

Для меня, как режиссёра, искусство мультипликации важнее рынка. Понимаете, если определять по рынку качество искусства, то это будет хохлома.

Рынок не выстраивает критерии что хорошо, а что плохо. Хорошо — это фильмы Александра

Петрова, кстати, моего ученика. Я считаю, что «Моя любовь» — это шедевр. Мультфильм делался совместно с Первым каналом. Они прокрутили его только один раз.

В погоне за рынком у нас только полнометражный фильм является прокатной единицей. Всё, что короткое, становится достоянием телевизора, — хотя федеральные каналы нас не очень жалуют, — или фестивалей. Короткий фильм посмотреть негде. Но мультипликация сильна метафорой, где в десяти минутах можно рассказать то, чего не расскажешь в полнометражном игровом фильме. В погоне за рынком метафоричность вымывается и получаются длинные ленты, которые почти никогда не являются искусством.

Искусство мультипликации должно всё в себя вобрать: кино, живопись, поэзию, и по принципу философского отрицания всё это забыть, но сделать что-то своё, чего ещё не было на свете.

Поэтому, когда у меня спрашивают, как я отношусь к пиратству, я говорю, что очень хорошо. Пусть мои фильмы скачивают и смотрят молодые.

— А есть сейчас в России молодые мультипликаторы, которые не следуют указу рынка, а действительно, занимаются искусством?

— Лиза Скворцова, она сделала «Колыбельную мира». Есть Карина Шмид, с большим потенциалом режиссёр. Они обе в Питере. Там же (правда, он уже в возрасте) Константин Бронзит, который вернулся в Россию после работы во Франции... Я ему говорил: «Возвращайся, дома стены помогают», он отвечал: «Но там деньги», а я: «Ну и что ж, будешь мучиться, как мы мучаемся, искать деньги, но зато ты будешь у себя».

Иван Максимов, Миша Алдашин, Александр Петров — мои ученики, но это уже люди с мировыми именами. Молодые — идут во след, и мы ещё не можем спать спокойно. Поэтому я ещё снимаю.

— Сегодня сложнее делать мультфильмы, чем раньше?

— В каждое время есть свои трудности. В советскую эпоху я не знал, сколько стоит метр плёнки, но тогда больше всего меня заботило, пройдёт сценарий через цензурное сито или нет. А потом всё, цензуры не стало, но не стало и денег. Теперь в мои заботы вошли поиски бюджета, которые идут параллельно. Но зато — свобода. Я не жалею.

В своё время, когда мы приезжали на международные фестивали, то нам завидовали зарубежные режиссёры: «Счастливые, вы не знаете, сколько стоит плёнка», а мы отвечали: «Счастливые, вы не знаете что такое цензура». За всё нужно платить. В «Гадком утёнке» есть принципиальный для меня момент, когда главный герой спрашивает уток: «Вы дикие?», а они гордо отвечают: «Мы — вольные». И за свободу они платят жизнью.

Юные зрители узнают, сложно ли стать режиссёром. «Богатым ты не будешь, но я тебе гарантирую, у тебя будет интереснейшая жизнь!»

— Сценарии для своих работ вы часто пишете сами. Почему? Вы не находите единомышленников?

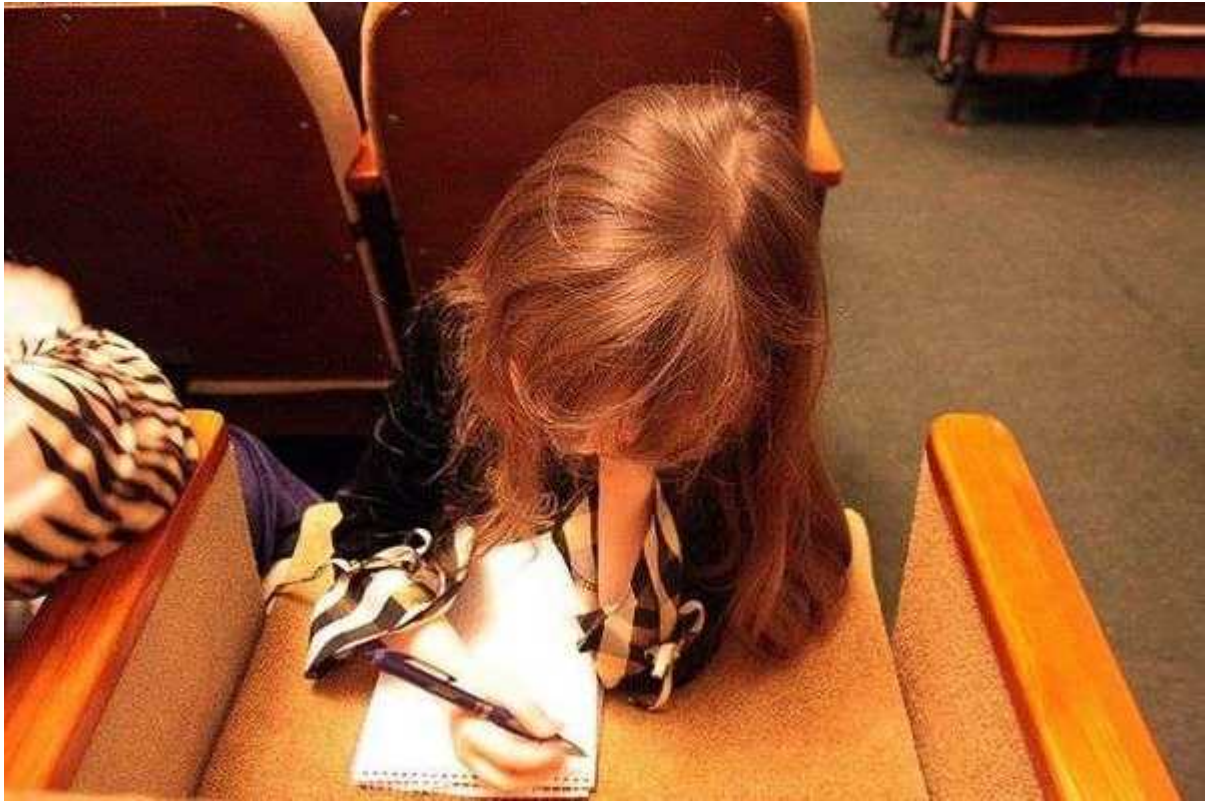
— Так сложилось, что я делаю фильмы о том, что меня волнует, и редко я нахожу человека, который бы волновался о том же, что и я. Наверное, поэтому мне проще самому придумать историю и потом её воплотить. Мне присылают по электронке сценарий, но чаще всего это убогие вещи. Создание мультипликации — определённый способ мышления, парадоксальный, когда нужно увидеть то, что обыватель не видит, и для нас это нечто может стать метафорой. Например, я сделал антивоенный фильм на спичках. Я шёл от того, что спичка — хрупкая и сгорает, как человеческая жизнь, то есть, началось всё с метафоры, а закончилось обобщением.

— Над чем Вы сейчас работаете?

— Я делаю фильм «Три мелодии», и это действительно будет три мелодии, три истории, три философские притчи. Так как я очень люблю музыку, то любимые записи я дарю зрителям. Сейчас я снял один сценарий — не расскажу о чём, — второй — половину, а третий ещё не тронут. Не спрашивайте, не расскажу! У нас профессия — удивлять.

Удивить Гарри Бардину липецких зрителей удалось. На показе фильма и дети, и взрослые смеялись над забавным червячком и сопереживали несчастному гадкому утёнку, мечтающему найти любящих и добрых друзей. Музыка Чайковского, под которую

разворачивается действие, настолько тонко передана аниматором, что кажется, будто на экране разворачивается танец. «Мне было важно, чтобы зрители поверили, что Пётр Ильич писал не для большого театра, а для моего мультфильма», — сказал Гарри Бардин.

Юная зрительница пишет записку режиссёру

После фильма маленькие и большие зрители писали записки режиссёру или задавали вопросы со своих мест. Одна девочка спросила: «А у вас был период гадкого утёнка?», на что Бардин, смеясь, ответил: «У всех он был, без этого мы бы не были собой». Не зря в финале фильма большой красивый лебедь взмахом крыла «сбривает» перья с домашних птиц, «чтобы показать, что под перьями мы все пластилиновые, одинаковые» — так пересказал реакцию французского школьника режиссёр.